

pragmatism that stimulated the definition of the economic, domestic and cultural spheres of life of the university community as a sphere of activity of trade unions. The authors analyze the everyday and political conditions, in which the stage of formation of university trade unions was held, and their interrelations with the choice of concrete form of their organizational embodiment.

Keywords: *Russian revolution, Soviet state, reform of higher education, proletarianization of students, trade unions in higher education*

УДК 94(470.6)»1930»

ГАДИЦКАЯ Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Сочинского института – филиала Российского университета дружбы народов (354348, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, ул. Куйбышева, 32; marinagaditskay@mail.ru)

ДОМ ИЛИ КВАРТИРА: О ПОПЫТКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРАКТИК В 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГА РОССИИ)

Аннотация. В статье раскрывается сущность большевистских идей по кардинальному изменению архитектурного облика колхозной деревни, обусловленному проведением сплошной коллективизации. Излагаются обстоятельства, заставившие большевиков отказаться от радикальных проектов жилищного переустройства и согласиться с сохранением индивидуального домостроительства и личного подсобного (приусадебного) хозяйства. Автор рассматривает закрепление сельскохозяйственной артели как основной формы колхозного строительства, ориентацию на традиционную семью, негативное отношение крестьянства к коммунам в качестве факторов, обеспечивших фиксацию в Конституции СССР 1936 г. параметров индивидуального колхозного подворья.

Ключевые слова: большевики, индивидуальное жилье, колхозники, коммуна, коммунальный быт, личное подворье, многоэтажный дом, общежитие

В литературе и общественном сознании коллективизация сельского хозяйства конца 1920-х – 1930-х гг. обычно понимается как процесс ликвидации единоличных крестьянских хозяйств, создания колхозов и модернизации аграрного сектора советской экономики. Вместе с тем в советской и постсоветской литературе осуществлявшиеся в 1930-х гг. многообразные мероприятия культурно-бытового плана, призванные превратить колхозную деревню в подобие социалистического города, не получили достаточного освещения.

Большевики признавали огромную роль жилья в устройстве, функционировании и развитии советского социума, и по их революционному призыву крестьяне, говоря языком документа, «выгнали помещиков с их насиженных мест, в их поместья водрузились совхозы, коммуны, артели и т.д.» [Панкова-Козочкина 2011: 134]. Большевики справедливо предполагали вначале добиться соответствия нового типа жилища новым общественным отношениям. С этой целью революционные романтики создавали в Советской России дома-коммуны, планировали сделать их «образцовыми домами для трудящихся и школой коллективизма, освободить женщину от рабского домашнего труда, приучить людей к самоуправлению и способствовать отмиранию семьи и переустройству быта» [Орлов 2010: 117]. К примеру, в коммуне «Ранняя зarya» Донецкого

округа Юго-Восточного края в 1924 г. коммунары находились в одном здании, но каждая семья располагалась в «отдельном помещении-комнате». В коммуне «Коммунистический маяк» Георгиевского района Терского округа Северо-Кавказского края в 1928 г. все жили в общем доме, где каждой семье выделялась «чистая и хорошо убранная отдельная квартира» и две комнаты отводились для юношей и девушек [Багдасарян 2017: 172-173].

Проекты переустройства жилищной сферы деревни отличались наибольшим радикализмом в начале 1930-х гг. Ориентиром выступало городское обустройство, ведь традиционно «город предоставляет более широкие возможности для продвижения по социальной вертикали и достижения высокого положения, чем и сохраняет привлекательность для части сельской молодежи» [Лукичев, Скорик 1995: 114]. Речь шла о ликвидации частных жилищ и переводе деревни на рельсы коммунального общежития путем строительства многоэтажных и многоквартирных домов. Некоторые отчаянные головы предлагали: «Нужно немедленно снести все село... и выстроить один большой дом, этажей в пятнадцать, или, на худой конец, три дома немного пониже. Тогда на отопление пойдет меньше дров и освободится много пахотной земли»¹. Большевиками «совместное проживание было признано новой моделью человеческих взаимоотношений, связанной с переориентацией быта от семейного к общественному» [Орлов 2010: 117]. Именно в начале 1930-х гг. среди идеологов и творцов коллективизации «довольно широкое распространение» получила идея об ускоренном переходе к высшей форме обобществления имущества, труда и быта. Как они полагали, «основной формой колхозного движения станет коммуна» [Фигуровская 1983: 262], члены которой не будут жить в отдельных частных домах, а переселятся в многоквартирные общежития. Коммунальный быт менял мироощущение крестьян: к примеру, в коммуне им. А.П. Смирнова Терского округа, по сообщениям властей, «много коммунаров не ходят в церковь, выносят иконы»; в начале 1930 г. «коммунарка Кацарина променяла свою икону за две головки капусты на Железноводском базаре. Коммунарка Шапкина продала икону за 50 коп., а другую променяла на колбасу» [Гадицкая 2008: 167].

Тем не менее вскоре выяснилась невозможность практического воплощения радикальных жилищных инноваций в подвергнутой коллективизации деревне в сколько-нибудь широких масштабах. Прежде всего, подобные проекты вызвали резкое отторжение у большинства сельского населения. Несмотря на серьезные социально-экономические изменения в результате осуществления коллективизации, сельские жители — и единоличники, и подавляющее большинство колхозников — все еще имели личные хозяйства. Ни относительно скромные размеры хозяйств, ни их официальный статус личных подсобных хозяйств не меняли отношения к ним в глазах и умах советских аграриев, считавших ЛПХ важным источником средств существования. Жизнь и быт единоличного и колхозного крестьянства испытывали структурирующее влияние собственных хозяйств (независимо от названия, статуса и размера), а на Юге России менее всего, в силу своей зажиточности, хотели вступать в коммуны казаки [Скорик 2009: 196]. Хозяйственные стратегии и обыденная жизнь на селе в 1930-х гг., как и прежде, предусматривали наличие личного подворья с жилыми и хозяйственными постройками и приусадебного участка с садом и огородом. Поэтому кооперированные и некооперированные крестьяне и казаки в массе своей оказались не готовы переселяться в многоквартирные дома-ульи с коммунальным

¹ Катаев И.И. 1957. Встреча. — *Избранное*. Повести и рассказы. Очерки. М.: Художественная литература. С. 371.

бытом. Сами коммунары в сознании части людей того времени отождествлялись «с нечистой силой», которую молитвой можно выгнать из жилища [Багдасарян, Скорик 2012: 45].

Яркое описание того, как поспешные попытки обустроить коммунальный быт приводили к разрушению сельских населенных пунктов, содержится в одной из публикаций в газете «Молот» за март 1934 г. По утверждению автора публикации А. Соколова, правление коммуны «Верный путь» станицы Анапской Черноморского округа Азово-Черноморского края постоянно переселяло семьи коммунаров из одного дома в другой. Видимо, таким способом правление пыталось победить собственническую психологию коммунаров — вчерашних крестьян, т.е., согласно марксистской трактовке, «мелкой буржуазии». В итоге та часть станицы Анапской, где располагалась коммуна, оказалась «полуразрушена», ограды и «почти половину построек» жители разобрали на топливо, многие фруктовые деревья просто вырубали. Сады, виноградники и огороды не обрабатывались и зарастали бурьяном, потому что ни один коммунары не знал, «как долго он будет жить на отведенной ему усадьбе и хате», и не желал впустую тратить силы¹.

В южнороссийских источниках 1930-х гг. встречаются возражения сельских жителей против столь модных среди радикально настроенных партийно-советских деятелей идей о многоквартирном строительстве в колхозной деревне. Характерными выглядят рассуждения участников совещания доярок и других работников молочно-товарной фермы (МТФ) колхоза «Большевик» Батайского сельсовета одноименного района Азово-Черноморского края, состоявшегося в указанном колхозе в апреле 1934 г. По всей видимости, совещание специально собрали для последующей беседы с приехавшим в колхоз корреспондентом газеты «Социалистическое земледелие». Он задал целый ряд вопросов, среди которых прозвучал и такой: «Колхозникам нужны ли общежития или, может быть, землянки, отдельные хатки со двором?» Бригадир Устименко, которой адресовался вопрос, ответила: «Лучше по[-]моему в общежитии, только надо построить побольше, пообширнее»².

Трудно сказать, испытывала ли Устименко уверенность в своей позиции и являлась ли она сторонницей коммунального быта. Ведь среди молодых жителей села и местных руководителей (политотделцев и др.) нередко встречались сторонники урбанистических идей многоэтажного строительства, от зависти к которому «заплачут нью-йорки»³. Они добивались радикальной смены деревенского жизнеустройства, и в т.ч. расселения в дома коммунального типа. Может быть, Устименко просто хотела угодить заезжему корреспонденту, зная о пропаганде в прессе домов-коммун. Однако ее слова вызвали большое оживление среди других доярок и колхозников — участников совещания, которые в один голос заявили: «Неправильно, неправильно... Отдельными дворами лучше строиться, потому, что огороды у нас даются, а [если жить в общежитии, то] птицу, телят, где держать?»⁴

Надо думать, позицию работников МТФ колхоза «Большевик» поддержало бы подавляющее большинство колхозников вне зависимости от того, в каких районах и областях страны они проживали. Конечно, не стоит переоценивать неприятие ими коммунального быта. Выражая на словах нежелание поменять

¹ Соколов А. Клеветники. — *Молот*. 1934. 24 марта.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

³ Катаев И.И. 1957. Встреча. — *Избранное*. Повести и рассказы. Очерки. М.: Художественная литература. С. 310.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

свои частные дома на квартиры в коммуналках, сельские жители не посмели бы противиться переселению в общежития в том случае, если представители власти твердо вознамерились бы осуществить подобный сценарий: ведь и колхозники, и единоличники в 1930-х гг. прекрасно понимали, насколько могуч сталинский режим и насколько бесполезна открытая борьба с ним. Показательны в этом отношении свидетельства о восприятии сельским населением информации о вероятностных планах властей по радикальному преобразованию жилищно-бытовых условий граждан. В первой половине 1930-х гг. в деревне ходили устойчивые слухи об ожидавшейся социализации сельского жилья, на волне которых «колхозники боялись строить [себе] дома»¹.

Однако большевики вскоре сочли преждевременными предлагавшиеся проекты устройства в деревне коммунального быта. Представители партийно-советского руководства понимали высокий уровень затратности реализации масштабных проектов многоквартирного строительства в сельской местности, а такими огромными ресурсами советское государство не располагало ни в 1930-х гг., ни на протяжении последующих десятилетий. Здравомыслящие партийные функционеры и советские чиновники не могли не осознавать пагубность радикальных экспериментов в деревне, к числу которых относилось повсеместное создание коммун с максимальным обобществлением средств производства и быта, в т.ч. с расселением коммунаров в многоквартирные общежития. Эта часть советской номенклатуры представляла возможность ухудшения социальной ситуации в пережившей коллективизацию деревне, если не урегулировать практику обобществления и безоглядно распространить ее в широких масштабах на жилищно-коммунальную сферу.

Дискуссии между «радикальными» и «умеренными» большевиками в первой половине 1930-х гг. завершились уверенной победой сторонников сдержанной позиции. Если «радикалы» выступали за насаждение коммун, то «умеренные» продвигали сельскохозяйственную артель, где допускалось существование небольших личных подсобных хозяйств колхозников. Четким сигналом о недопустимости форсирования процесса социалистических преобразований в деревне стали высказывания И.В. Сталина на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. о необходимости признания основным типом сельхозпредприятия в колхозной деревне сельскохозяйственной артели, а не коммуны, и что «было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуну», которая станет доминирующей формой организации аграрного производства, «конечно, не скоро» [Сталин 1952: 352-353]. В жилищной сфере это означало проживание членов артелей в собственных домах, а не обитание в общежитиях-коммуналках.

Сыграл свою роль и отказ большевистского руководства от курса на ликвидацию «буржуазного института» семьи, якобы препятствовавшего освобождению женщины от оков домашнего быта. Переориентация на укрепление семейной ячейки социалистического общества также происходит к середине 1930-х гг. Наметившийся «отход от идеи коммунального бытия в сторону укрепления семьи» позитивным образом сказался на масштабах и темпах «строительства индивидуального жилья» [Орлов 2010: 117] в деревне.

Советские теоретики переустройства сельского быта быстро отреагировали на выработанную к середине 1930-х гг. высшим руководством страны позицию в отношении внешнего облика колхозной деревни. В их новом понимании «колхозный дом не должен быть многоэтажным, многоквартирным. Увлечаться

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 69.

большими домами для колхозников — это значит перепрыгивать через данный этап колхозного развития» [Кожеуров 1934: 44].

Юридически отказ большевиков от идеи застройки коллективизированной деревни коммунальным жильем и переселения в него сельских обывателей закрепляется в «сталинской» Конституции 1936 г., где детально прописывается социалистический облик колхозной деревни. В ст. 7 Основного закона четко и недвусмысленно указывалось, как должно выглядеть индивидуальное хозяйственное пространство колхозника: «Каждый колхозный двор <...> имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь». В ст. 10 оговаривались пределы личной собственности и подтверждались ее государственные гарантии: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом»¹.

Большинство жителей колхозной деревни выражали полное одобрение процессу юридического закрепления индивидуального крестьянского мира, ведь колхозники теперь имели право жить в собственных домах, а не в общежитиях-коммунах. Селяне живо откликнулись на новые жилищные инициативы и надлежащие заверения властей. Так, во время всенародного обсуждения проекта Конституции 1936 г. многие колхозники «радостно говорили, что дома и огород предусмотрены законом, т.е. охраняются»².

Тем не менее определенная часть сельских жителей не противились урбанизации и приветствовали этот процесс. В частности, в конце 1930-х гг. в коммуне «Сеятель» Сальского района Ростовской области — одном из старейших и лучших коллективных хозяйств Дона — семейные колхозники проживали, в соответствии с уставом коммуны, в отдельных квартирах, а одиноким членам коммуны предоставлялось общежитие. Сами коммунары и правление коммуны проявляли исключительную заботу о благоустройстве жилья. В справке Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г., где демонстрировались достижения коммуны «Сеятель», особо подчеркивались качественные параметры созданных жилищных условий, указывалось, что «квартиры коммунаров электрифицированы и радиофицированы»³.

Более того, в 1930-х гг. на селе велось строительство многоэтажных жилых домов, хотя и в ограниченных масштабах. Те же коммуны, если им позволяли материально-финансовые средства, пытались выполнять подобные задачи. В особенности строительство многоэтажных жилых домов практиковалось в совхозах и МТС, руководство которых, при наличии возможностей, размещало своих работников в поселках городского типа. Так, на одном из фотоснимков первой половины 1930-х гг. запечатлен строящийся жилой поселок для рабочих и сотрудников учебно-опытного зернового совхоза № 2 Азово-Черноморского края (ныне это город Зерноград Ростовской обл.). В расположенном посреди голой степи жилом поселке, как видно на фотографии, насчитывается не менее 10 трехэтажных жилых домов и еще 5 или более коттеджей, рассчитанных не

¹ Конституция СССР. — *Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов*. 1936. Вып. 23. С. 680, 681.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 69.

³ Из справки Всесоюзной сельскохозяйственной выставки о коммуне «Сеятель» [Сальского района Ростовской области]. 1939 г. — *Наш край. Из истории советского Дона*. Документы. Октябрь 1917—1965 гг. (отв. ред. А.Г. Беспалова). Ростов н/Д.: Книжное изд-во. 1968. С. 313

менее чем на 2 семьи. Вдобавок отчетливо просматриваются водонапорная башня, опоры линий электропередач и т.п.¹

Таким образом, анализ попыток модернизации сельских архитектурных практик убедил нас в справедливости суждения, что «под колесами всех больших и малых реформ в России первыми всегда страдали сельское хозяйство и терпеливый российский крестьянин» [Скорик 2001: 52]. Сплошная коллективизация придала новый импульс разработке проектов переустройства жилищной сферы деревни. Представители партийно-советских властных структур, архитекторы, энтузиасты колхозного строительства выступали за решительную модернизацию сельского жилья, чтобы избавиться от традиционной тесноты, недостатка освещения в жилых помещениях, бытовой антисанитарии и т.п. Коллективизация повлекла за собой изменения в жилищной сфере деревни и отчасти стимулировала многоэтажное строительство. Но острый дефицит финансовых и материальных ресурсов наряду с воздействием привычных домостроительных приемов не позволили кардинально изменить сферу домостроительства и домашний быт в колхозной деревне, в т.ч. в селах и станицах Юга России. На всем протяжении 1930-х гг. здесь преобладали традиционные сельские архитектурные практики.

Список литературы

Багдасарян С.Д. 2017. *Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований*: дис. ... д.и.н. Новочеркасск. 869 с.

Багдасарян С.Д., Скорик А.П. 2012. *Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы*. Новочеркасск: Лик. 239 с.

Гадицкая М.А. 2008. *Женщины-колхозницы Юга России в 30-е годы XX века: гендерный потенциал и менталитет*: дис. ... к.и.н. Новочеркасск. 339 с.

Кожеуров И. 1934. Распланирование колхозных населенных пунктов. — *На аграрном фронте*. № 11. С. 38-49.

Лукичев П.Н., Скорик А.П. 1995. Поведенческая типология студенческой группы. — *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 109-115.

Орлов И.Б. 2010. *Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления*. М.: Изд-во НИУ ВШЭ. 320 с.

Панкова-Козочкина Т.В. 2011. Землеустроительная политика большевиков в доколхозной деревне Юга России. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* (Тамбов). № 4(10). Ч. II. С. 132-135.

Скорик А.П. 2001. *Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе*: дис. ... д.филос.н. Ростов н/Д. 351 с.

Скорик А.П. 2009. *Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований*: дис. ... д.и.н. Ставрополь. 540 с.

Сталин И.В. 1952. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. — *Сочинения*. Т. 13. М.: Госполитиздат. С. 282-379.

Фигуровская Н.К. 1983. *Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х — 30-е годы*. М.: Наука. 384 с.

¹ *Азово-Черноморский исполнительный комитет Советов. Отчет о работе. 1931–1934 гг.* (отв. ред. Л.С. Ронин). Ростов н/Д.: АзЧеркрайиздат. 1935. С. 86-87.

GADITSKAYA Marina Aleksandrovna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of General History, Faculty of History and Philology, Sochi Institute – branch of Peoples' Friendship University of Russia (32 Kuibysheva St, Adler district, Sochi, Krasnodarsky Region, Russia, 354348; marinagaditskay@mail.ru)

HOUSE OR APARTMENT: ABOUT ATTEMPTS OF RURAL ARCHITECTURAL PRACTICES MODERNIZATION IN THE 1930s (ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Abstract. The article reveals the essence of the Bolshevik ideas on significant changes in the architectural appearance of a collective farm village, due to conducting complete collectivization in Russia. The author analyzes the circumstances that forced the Bolsheviks to abandon the radical projects of housing restructuring and agree with the preservation of individual house-building and personal subsidiary (personal) farming. The article shows the consolidation of the agricultural artel' (agricultural cooperative) as the main form of collective farm construction, the orientation toward the traditional family, the negative attitude of the peasantry towards the communes as factors that ensured the fixation of the parameters of the individual collective farm in the 1936 Constitution of the USSR.

Keywords: Bolsheviks, individual housing, collective farmers, commune, communal life, personal farmstead, multi-storey house, dormitory